

134
46
**Староладожский историко-архитектурный
и археологический музей-заповедник**

Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша

**Связующие пути и
организующие центры**

Шестые чтения памяти
АННЫ МАЧИНСКОЙ
Старая Ладога, 21-23 декабря 2001 г.
Сборник статей

Санкт-Петербург 2002

«идох» в Поучении всегда написано с титлом («идох»), при утрате которого начинает напоминать «идох».

Первоначальное прочтение фразы можно представить так: «и с епископомъ идохъ Ростову». Если при этом вспомнить, что речь должна идти о той поездке Владимира Мономаха на Северо-Восток в 1102/1103 гг., когда он, вероятно, участвовал в закладке (или освящении) Сузdalского собора, то такая реконструкция обретает новые аргументы (Воронин 1961: 28; Раппопорт 1982: 59).

Создателей первого каменного храма на Северо-Востоке Руси Лаврентьевская летопись называет в статье 6730 (1222) года:

«та со цѣкы создана [...] Володимѣръ Мономахъ . и ближнімъ епшомъ Ефреемъ» (ПСРЛ I, 445).

Сопоставив это известие с рассматриваемым отрывком из Поучения, можно сделать ряд полезных заключений. Во-первых, речь в обоих случаях должна идти о епископе Переяславском Ефреме, а не о некоем ростовском архиереем с тем же именем (Ср. Голубинский 1904: 323, 713). Это следует из того, что именно Ефрем Переяславский позднее был канонизирован и потому мог быть назван «ближним», и, к тому же, его более логично представить в качестве спутника Мономаха при путешествии из Смоленска (или Переяславля) в Ростов. Престарелый архиерей, вероятно, путешествовал медленно и с большой свитой, что должно было обременить деятельного князя, который позднее специально подчеркивал трудности пути. Во-вторых, участие Мономаха и Ефрема в «создании», завершении собора, а также их совместное торжественное прибытие в Сузdal более соответствует освящению построенного храма, а не его закладке. Это позволяет датировать концом 1102 года именно завершение строительства, а не его начало, как это предполагалось ранее.

БЛДР Т.1 – Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. СПб., 1997.

Воронин Н.Н. 1961 – Зодчество Северо-Восточной Руси. XII–XV веков. Т.1. М.

Голубинский Е.Е. 1904 – История Русской церкви. Т.1. Ч.2. М.

Ивакин И.М. 1901 – Князь Владимир Мономах и его поучение. Часть 1. Поучение детям, Письмо к Олегу и отрывки. М.

Орлов А.С. 1946 – Владимир Мономах. М.-Л.

ПВЛ, 1996 – Повесть Временных Лет. СПб.

Приселков М.Д. 1996 – История русского летописания XI–XV вв. СПб.

ПСРЛ I – Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Том первый). М., 1997.

Раппопорт П.А. 1982 – Русская архитектура X–XIII вв. Л.(САИ, Е1-47).

Рыбаков Б.А. 1993 – Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.

Шахматов А.А. 2001 – Разыскания о русских летописях. М.

С.В. Белецкий

О печати князя Ивера Всеволодича

В 1999 г. на Рюриковом городище под Новгородом была найдена печать неизвестного ранее типа. *Аверс*: изображение композиции «Благовещение»; *реверс*: шестистрочная (?) надпись «+Сп(а)си / Г(осподи) и кнъ/зя Иве/ра Все/ло - - - / ...» (рис.1). Эта печать издавалась В.Л. Яниным уже трижды¹ и, судя по комментариям, сопровождающим воспроизведения, является существенным аргументом в новой версии решения проблемы формирования Новгородской государственности (далее – «новая версия»). На мой взгляд, комментарии, сопровождающие печать Ивера Всеволодича, не являются ни аргументом в пользу «новой версии», ни собственно сфрагистическим исследованием. Принципиальное несогласие с вынесенной на обсуждение системой построения исторических реконструкций и заставило меня выступить с предлагаемыми комментариями.

Система обоснования «новой версии»

Коротко система обоснования «новой версии» может быть сведена к ряду последовательно сформулированных гипотез, которые я излагаю ниже в виде цитат из последней по времени публикации печати Ивера Всеволодича². Исходнойсылкой рассуждений

¹ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. // НиНЗ, № 14, Новгород, 2000, с.289, 309, № 113 в., рис.8; Янин В.Л. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001, с.25, рис.10; Янин В.Л. К истории преобразований новгородско-княжеских отношений при Всеволоде Мстиславиче // Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001, с.449, рис.1.

² Янин В.Л. К истории преобразований... Все ссылки на цитаты из этого издания далее приведены в тексте в скобках. Комментарии к печати Ивера

В.Л. Янина является необходимость объяснить противоречие, помещенное в Новгородской Первой летописи под 6633/1125 г.: «В то же лето посадиша на столе Всеволода новгородци» (с.445). Внук Владимира Мономаха и старший сын Мстислава Великого, кн. Всеволод Мстиславич был посажен на новгородский стол в 1117 г., а сведений о потере им стола в интервале между 1117 и 1125 гг. в летописях нет, так что факт повторного воскняжения действительно требует своего объяснения.

Рис. 1

Цепочка рассуждений сводится к следующим пунктам:

1. «Изображение Благовещения хорошо известно в новгородской сфрагистике по печатям Всеволода Мстиславича, которого в крещении звали Гавриилом (а архангел Гавриил — участник благовещенской композиции)³. Принадлежность Всеволоду имени Гавриил уже вскоре после его кончины становится фактом агиографии» (с.449-450).

2. «Князь Ивор Всеволодович в источниках неизвестен, но сам тип буллы с русской благопожелательной надписью существует лишь во времена Владимира Мономаха и его ближайших наследников (не позднее второй четверти XII в.)»⁴ (с.450).

3. «Поскольку другого князя с крестильным именем Гавриил в указанное время не было, атрибуция рассматриваемой печати может быть решена только одним способом: Ивором звали сына Всеволода Гавриила Мстиславича» (с.450).

4. «Возможно ли такое решение?», — задается вопросом В.Л. Янин (с.450). Вслед за цитированными летописными сообщениями о женитьбе Всеволода Мстиславича (под 6631 г.), о существовании у Всеволода сына, крещенного Иваном (под 6635 г.) и о смерти Ивана

Всеволодича, помещенные в исследовании деревянных цилиндров-бирок (Янин В.Л. У истоков..., с. 24-29) текстуально повторяют фрагменты рассматриваемой публикации.

³ Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т.1, М., 1970, с.193-194, №№ 133-137, табл.46-48; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т.3, М., 1998, с.129-130, № 133-137, табл.68-71.

⁴ В.Л. Янин ссылается на воспроизведение в тех же томах Корпуса печатей с русскими благопожелательными надписями, см.: Янин В.Л. Актовые печати..., т.1, с.187-191; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати..., т.3, с.125-127.

Всеволодича (под 6636 г.), исследователь отмечает: «Летопись называет его (Ивана Всеволодича — С.Б.) крестильным именем, но ведь у него было и мирское имя. Приведенное сфрагистическое свидетельство дает возможность догадаться, что он именовался Иворм» (с.450).

5. «Если это так, то не имеем ли мы в статье 6633 г. в Новгородской летописи искажения первоначального текста «В то же лето посадиша на столе Всеволодовича новгородци», а »Всеволодович» в результате искажения превратился во »Всеволода»? Именования только по отчеству не чужды летописи» (с.450-451).

6. Далее излагается новая версия событий 1125-1127 гг.: Всеволод, получив известие о смерти Мономаха, отправляется в Киев, оставив вместо себя «младенца Ивора-Иоанна (по изображению Благовещения на его печати, он представляет личность Всеволода-Гавриила). В отсутствии Всеволода новгородцы провозглашают Ивора своим князем. Возвратившись в Новгород, Всеволод застает эту изменившуюся ситуацию и снова спешит в Киев. Только по урегулированию конфликта и признании каких-то новых условий взаимоотношения с Новгородом Всеволод в конце февраля 1127 г. возвращает себе новгородский стол и сооружает храм во имя небесного патрона своего сына» (с.451).

7. «Такое решение проясняет атрибуцию значительной группы новгородских княжеских печатей с изображением на одной стороне св.Иоанна Предтечи, а на другой — Благовещения»⁵ (с.451). Отказавшись от своего первоначального предположения о принадлежности печати № 138 Корпуса сыну Всеволода-Гавриила Мстиславича Владимиру Всеволодичу, занимавшему новгородский стол короткий срок — не более полутора месяцев и не менее четырех дней — В.Л. Янин атрибуирует эти печати Ивору Всеволодичу, подчеркивая: «...его пребывание на новгородском столе продолжалось около полутора лет — с 1125 г. до конца февраля 1127 г., а это не противоречит заметному обилию его печатей. Надо полагать, что сначала он (вернее — распоряжавшиеся им новгородские бояре) очень недолго

⁵ В.Л. Янин ссылается на воспроизведение печатей в тех же томах Корпуса (Янин В.Л. Актовые печати..., т.1, с.138, № 138; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати..., т.3, с.130-131, № 138), а также на сведения о новых печатях, помещенных в дополнения к Корпусу, см.: Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // НиНЗ, № 12, 1998, Новгород, с.344, № 138; они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998-1999 гг., с.291, № 138.

пользовался буллотирием с благопожелательной надписью, а затем по избранию его на стол, все остальное время — буллотириями с изображениями св.Иоанна и Благовещения» (с.451-452).

8. «Изложенные наблюдения оказались небезинтересны в контексте важных открытий археологического сезона 1998 г.» (с.452), — предваряет В.Л.Янин рассказ об исследованиях значительной по размерам усадьбы второй — третьей четвертей XII в. на Троицком раскопе (усадьба «Е»): в центре усадьбы были открыты остатки настила с навесом⁶, и здесь же были найдены берестяные грамоты, «позвещающие о разного рода судебных конфликтах. Адресатами многих грамот названы Петроп (идентифицируемый с боярином Петром Михалковичем) и Якша (идентифицируемый с посадником Якуном Мирославичем). В некоторых документах наряду с указанными лицами адресатом выступает князь»⁷ (с.452).

9. «Единственным судебным органом в XII в., как известно, был «сместной» (совместный) суд князя и посадника, регулированный формулой докончаний Новгорода с князьями...⁸ Состав адресатов берестяных грамот, найденных на усадьбе «Е», демонстрирует их соответствие формуле более поздних докончаний и, следовательно, действенность этой формулы уже во второй четверти XII в.... Настил в центре усадьбы «Е», как это очевидно, служил для производств на нем судебных разбирательств между тяжущимися стороны- ми» (с.452-453).

10. «Дендрохронологический анализ остатков настила... обнаружил, что он был сооружен в 1126 г., а в дальнейшем неоднократно ремонтировался, в том числе в 1132 и 1146 гг. Что касается более раннего, нежели 1126 г. времени, то, как показали раскопки 1999 г., на протяжении XI — первой четверти XII в. усадьба «Е», имея и тогда административное назначение, служила местопребыванием функционально иного общественного органа. На ней собирались и контролировались доходы, поступавшие от сборщиков государственных по-

⁶ В.Л.Янин ссылается на информацию о раскопках 1998 г., см.: Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., Гайдуков П.Г., Дубровин Г.Е., Сорокин А.Н. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1998 г. // НИИЗ, № 13, Новгород, 1999, с.7-10.

⁷ В.Л.Янин ссылается на публикации берестяных грамот из раскопок 1998 г., см.: Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1998 г. // Вестник РАН, т.69, № 7, с.594-600; они же. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // Вопросы языкоznания, 1999, № 4, с.3-27.

⁸ В.Л.Янин ссылается на публикацию текстов грамот второй половины XIII — XV вв., см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.-Л., 1949, №№ 1-3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26.

датей, а также вир и продаж⁹. Преемственность между двумя институтами власти очевидна» (с.453). Далее В.Л.Янин ссылается на находки деревянных замков-бирок и тексты берестяных грамот XI — начала XII вв., подчеркивая: «Организация фиска предусматривала совместные действия князя и новгородского боярства, благодаря чему бояре сами собирали государственные доходы, действуя от княжеского имени, т.е. контролировали бюджет. Организация сместного суда базировалась на тех же принципах участия бояр в судопроизводстве, предоставлявшему боярскому посаднику право контроля за судебными решениями» (с.453).

11. «Возникновение смесного суда в 1126 г. раскрывает пружину политических действий 1125-1126 гг., — полагает В.Л.Янин, — ... в отсутствие Всеволода Мстиславича, новгородское боярство формирует этот суд, в котором княжеская сторона представлена младенцем, а в дальнейшем вынуждает Всеволода принять новую институцию власти в обмен на возвращение ему новгородского княжеского стола» (с.453-454).

12. «Если до 1125 г. княжеские и посадниччьи буллы не имеют типических отличий, будучи оформлены благопожелательной надписью и изображением святого патрона их владельца, то, как кажется, последней в Новгороде княжеской печатью такого типа оказывается печать Ивора Всеволодовича» (с.454).

13. «С организацией смесного суда возникает новый тип княжеской печати: на нем помещаются изображения святых, тезоименитых владельцу печати и его отцу, обозначая тем самым его крестильные имя и отчество» (с.454).

14. «До конца княжения Всеволода сосуществуют посадничья булла с благопожелательной надписью и княжеская булла с изображением двух святых. По-видимому, решение об обязательном утверждении грамот княжеской печатью относится к моменту воскняжения Святослава Ольговича в 1136 г., когда прекращается серия новгородских посадничьих булл» (с.454).

15. «Печатей Всеволода Мстиславича с благопожелательной формулой в природе не существует, тогда как его булл с изображением Благовещения и св.Феодора (т.е. передающих крестильное имя Гавриил Федорович) к сегодняшнему дню зафиксирован 71 экземпляр (они происходят от 7 пар матриц). Прежде казалось очевидным, что

⁹ В.Л.Янин ссылается на публикации берестяных грамот из раскопок 1999 г., см.: Янин В.Л., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // Вопросы языкоznания, 2000, № 2, с.3-14

их употребление начинается в 1117 г. С находкой печати Ивора Все-володовича выясняется, что тип княжеской печати с изображением двух святых формируется впервые в 1125-1126 гг., и первыми образцами такого типа были печати с изображением св.Иоанна Предтечи и Благовещения» (с.454).

16. «Однако существует заметный разряд печатей «княжеского» типа (с благопожелательной надписью), которые в эпоху Все-володы Мстиславича принадлежали новгородским посадникам» (далее со ссылкой на Корпус и дополнения к нему¹⁰ перечислены печати с изображениями святых, тезоименитых владельцу и благопожелательной формулой — С.Б.). «Коль скоро от периода с 1117 до 1126 гг. нет печатей князя Все-воловода, но имеются печати посадников, надо полагать, что до организации смесного суда контроль над судопроизводством был сосредоточен в руках посадников, о чем косвенно свидетельствует легенда о посаднике Добрыне (он умер 6 декабря 1117 г., спустя десять месяцев после вокняжения Все-воловода Мстиславича)¹¹» (с.454-455).

17. «Почему эпоха посадничьего «единовластия» завершилась в 1126 г. созданием сместного суда, т.е. компромиссом с князем, тогда как, приняв на стол князя-младенца, бояре должны были торжествовать очередной успех в своем продиводействии князю? Ответ на этот вопрос предельно прост: с 1120 по 1125 гг. в Новгороде посадничал не новгородский боярин, а киевлянин¹²» (с.455).

18. «Почему в начале 1127 г. новгородцы вернули стол Все-воловоду Мстиславичу? Здесь ответ не так очевиден. Возможно, однако, предположить, что именно тогда, в обмен на восстановление княжеских прав Все-воловод Мстислав Владимирович передал в качестве домена новгородского князя значительный массив земель из состава своего Смоленского княжества»¹³ (с.455).

¹⁰ Янин В.Л. Актовые печати..., т.1, с.191-192, № 124-131; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати..., т.3, с.127-128, № 124-132а; они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г., с.344, № 13; они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998-1999 гг., с.290, № 129.

¹¹ В.Л. Янин ссылается на статью Е.А.Рыбинои, посвященную Повести о посаднике Добрыне, см. Рыбина Е.А. Повесть о посаднике Добрыне // Археолграфический ежегодник за 1977 г. М., 1978, с.79-85.

¹² В.Л. Янин ссылается на сообщения Новгородской первой летописи о появлении в Новгороде посадника Бориса и о появлении в Новгороде посадника Даниила, прибывшего из Киева.

¹³ Здесь В.Л. Янин дает глухую (без указания страницы) ссылку к своей монографии «Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV веков» (М., 1998).

Комментарии к сфрагистическим аргументам «новой версии»

У меня нет сомнений в справедливости исходной посылки рассуждений В.Л.Янина. Внук Владимира Мономаха и старший сын Мстислава Великого, кн. Все-воловод Мстиславич был посажен на новгородский стол в 1117 г., а сведений о потере им стола в интервале между 1117 и 1125 гг. в летописях нет, так что факт повторного вокняжения действительно требует своего объяснения. Таким образом, исходную посылку рассуждений братъ под сомнение не приходится.

Оставляю в стороне исторические (оценка информативных возможностей летописных статей), археологические (атрибуция настила на усадьбе «Е» как места проведения судебных разбирательств) и лингвистические аргументы (достоверность отождествления лиц, упомянутых в берестяных грамотах с усадьбы «Е» с реальными лицами, известными летописанию: Петрок = Петр Михалкович, Якша = Якун Мирославич). Таким образом, я не беру под сомнение пункты 5, 8, 9, 10 и 17.

Однинадцать пунктов в той или иной мере опираются на истолкование сфрагистических находок. «В той или иной мере» я говорю не случайно: часть гипотез (пункты 1, 2, 7, 15, 16) — исходные, другие же (пункты 3, 4, 6, 12, 13, 14) являются вторичными по отношению к первым. Таким образом, обсуждать следует именно первые, и если они окажутся недоказанными или же неверными, то вторые снимутся сами собой.

Две оставшиеся гипотезы (пункты 11 и 18) опираются, по сути дела, на всю совокупность рассуждений, то есть — являются гипотезами третьего порядка. Их доказанность целиком и полностью зависит от доказанности остальных гипотез.

Из одиннадцати пунктов цепочки, так или иначе связанных со сфрагистическими наблюдениями, сравнительно обоснованным можно считать пункты 2 и 13. Действительно (пункт 2) печати с кириллическими благопожелательными надписями и изображениями святых появляются в конце XI в. и исчезают из употребления не позднее середины XII в.; эта датировка была установлена еще Н.П.Лихачевым¹⁴. Разумеется, уточнение хронологических рамок бытования печатей с кириллическими благопожелательными надписями вполне возможно и даже вероятно, однако не в столь жесткой формулировке: «Сам тип буллы с русской благопожелательной надписью су-

¹⁴ Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып.1. Л., 1928, с.109-111,115.

ществует лишь во времена Владимира Мономаха и его ближайших наследников (не позднее второй четверти XII в.)» (с.450). Что касается пункта 13, то новый разряд древнерусской княжеской печати (буллы с изображениями святых на обеих сторонах), как это установил Н.П.Лихачев¹⁵, действительно датируется XII–XIII вв. И хотя хронологическую приуроченность отдельных булл удается сузить до четверти столетия, узкие даты большинства печатей опираются исключительно на общеисторические соображения и на гипотетические персонификации.

Остальные девять гипотез опираются на два допуска в истолковании памятников сфрагистики. *Допуск 1* — княжеские и посадничьи печати на раннем этапе не имели типических отличий (пункты 12, 14, 16). *Допуск 2* — в качестве сфрагистического символа изображение композиции Благовещения равнозначно изображению архангела Гавриила и должно быть истолковано как символическое обозначение имени «Гавриил» или отчества «Гавриилович» (гипотезы 1, 3, 4, 6, 7, 15). И с одним, и с другим допусками я решительно не согласен.

О допуске 1

Прежде всего о том, могли ли пользоваться представители различных институтов власти идентично оформленными буллами. При безусловном прокламативном характере, печать является, прежде всего, скрепой письменного документа, так что основной функцией ее было свидетельствование достоверности информации, содержавшейся в тексте документа. Следовательно, печать, гарантировавшая подлинность документа, должна была легко и однозначно читаться современниками. Если булла скрепляла юридический документ, то по ней можно было определить полномочность держателя буллотирия утвердить данный документ. Если же речь шла о переписке, то печать, прежде всего, подтверждала происхождение послания, и по ней, следовательно, можно было определить, действительно ли данное послание исходит именно от того лица, на которое содержитя указание в тексте. Иными словами, изобразительные символы и их комбинации на печатях следует рассматривать как своего рода язык — знаковую систему, чтение которой не должно было составлять труда для посвященных лиц. За одними и теми же изобразительными символами на печатях должна была быть, таким образом, скрыта однородная информация, а сфрагистические регалии,

¹⁵Там же, с.71-89.

оформленные путем комбинации одинаковых символов, не могли использоваться различными властными структурами — в противном случае терялась возможность однозначного «прочтения» комбинации символов, составляющих сфрагистический тип. Таким образом, *одинаково оформленные печати, принципиально не могли принадлежать представителям различных и, тем более, противостоящих друг другу институтов власти*.

Сказанное является общим местом, однако есть основания конкретизировать данные соображения применительно именно к печатям с благопожелательной формулой легенды. Принадлежность большинства булл этого разряда князьям сомнений не вызывает, поскольку она была обоснована (как и для печатей с греческой благопожелательной легендой) еще Н.П.Лихачевым¹⁶. Основанием же для гипотезы о принадлежности ряда печатей с формулой «Господи, помози...» новгородским посадникам послужило, во-первых, обнаружение этих печатей в Новгороде (опирающееся, в свою очередь, на гипотезу об утверждении документов в самом Новгороде), и, во-вторых, совпадение нескольких изображений святых на печатях с именами новгородских посадников первой трети XII в.¹⁷ Однако «совпадающие» имена принадлежат к обычным крестильным именам на Руси (Дмитрий, Константин, Борис, Даниил, Петр, Иоанн), а большинство находок из Новгорода происходит с Рюрикова городища, то есть — связано с документами, отложившимися в городиценском архиве, так что новгородское происхождение этих документов ничем не доказано. Поэтому разделение однородного сфрагистического разряда между двумя противостоящими институтами власти только на том основании, что для одних булл удалось подобрать удовлетворительные персонификации, а для других — не удалось, представляется, по меньшей мере, искусственным.

Есть и еще одно соображение, не позволяющее принять предлагаемое В.Л.Яниным разделение однородного сфрагистического разряда между князьями и посадниками. Для печатей с греческими благопожелательными формулами, предшествующих по времени печатям с кириллическими благопожелательными формулами и безусловно близкородственными последним, установлено принципиальное различие между печатями суперенов (князей) и лиц, выступающими представителями суперенов: на печатях первых помещалось

¹⁶Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып.1. Л., 1928, с.103-134.

¹⁷Янин В.Л. Актовые печати..., т.1, с.71-75.

изображение тезоименитого святого, в то время как на печатях вторых помещалось изображение святого, тезоименитого не владельцу печати, а его сюзерену. Помещение на печати княжеского представителя, каким по В.Л. Янину, был посадник Борис (с.455), тезоименитого святого ставит посадника на один уровень властных полномочий с самим князем, что сомнительно.

Таким образом, печати с кириллическими благопожелательными надписями и изображением святого, тезоименитого владельцу буллы, принадлежали князьям, а те из булл, которые пока остаются неперсонифицированными, принадлежали князьям рубежа XI-XII вв. и первой трети XII в., известным в письменных источниках только под своими мирскими именами. Следовательно, пункты 12, 14 и 16 из системы рассуждений должны быть исключены. Таким образом, мы вынуждены исключить из аргументации одну из первичных гипотез (пункт 16).

О допуске 2

Сомнителен и второй допуск — о равнозначности смыслового значения изображения композиции Благовещения изображению архангела Гавриила. Рассматривая печати с изображением Благовещения на одной стороне и святого (св.Федора или св.Иоанна Предтечи) на другой, В.Л.Янин относит эти буллы к обширной группе печатей с изображением святых на обеих сторонах¹⁸. Принадлежность последних древнерусским князьям сомнений не вызывает: она доказана Н.П.Лихачевым¹⁹, убедительно продемонстрировавшим, что на печати были помещены изображения святых, тезоименитых самому владельцу буллы и его отцу, то есть — крестильные имя и отчество князя. Мнение Н.П.Лихачева в настоящее время признано всеми исследователями, так что в этом отношении пункт 13 в системе аргументации В.Л.Янина безупречен. Однако отнесение печатей с изображением на одной из сторон композиции, а на другой стороне святого к разряду печатей, несущих на обеих сторонах изображения святых вызывает недоумение. Разумеется, изображение композиции на тему церковного праздника не принадлежит к числу распространенных изобразительных символов в русской сфрагистике, однако он встречается на русских средневековых печатях достаточно регулярно: в домонгольское время известны печати с изображениями

¹⁸ Янин В.Л. Актовые печати..., т.1, с.90, 108-110.

¹⁹ Лихачев Н.П. Мтериалы для истории..., вып.1, с.

композиции «Преображение Господне»²⁰, »Богоявление»²¹, «Успение Богородицы»²², а в XIV-XV вв. встречаются также изображения «Троицы Ветхозаветной» (традиционно истолковываются как изобразительный символ псковского Троицкого собора²³) и «Благовещения», причем в последнем случае принадлежность печати Благовещенскому монастырю следует из формулы легенды²⁴. Правда, печать с изображением Богоявления В.Л.Янин также относит к разряду булл, несущих изображения святых на обеих сторонах²⁵ (хотелось бы знать, какое именно имя или же отчество могло символизировать изображение этой композиции), а печать с изображением «Успения» исследователь, фактически отказался комментировать²⁶, однако изображение композиции «Преображение Господне» исследователь совершенно справедливо истолковывает в качестве изобразительного символа полоцкого Спасо-Пеображенского монастыря²⁷.

Но, коль скоро уже в нескольких случаях многофигурная композиция на тему церковного праздника может быть уверенно прочтена в качестве изобразительного символа храма или обители соот-

²⁰ Янин В.Л. Актовые печати..., т.1, с.234, № 121а; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати..., т.3, с.127, № 121д (=121а), 121е.

²¹ Янин В.Л. Актовые печати..., с.212, № 236.

²² Янин В.Л. Актовые печати..., т.1, с.226, № 343; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати..., т.3. с.157, № 343, 343а, 343б

²³ Лихачев Н.П. Печати Пскова // Советская археология, 1960, № 3; Янин В.Л. Вислые печати Пскова // Советская археология, 1960, № 3. Подробнее о печатях с изображением Ветхозаветной Троицы см.: Белецкий С.В. Сфрагистика Пскова XIV-XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе). Автореф. дисс. ... докт.ист.наук. СПб., 1994; он же. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследование и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып.4. СПб., 2001, с.133-135.

²⁴ Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т.2, 1970, с. 231, № 765; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати..., т.3, с.218, № 765.

²⁵ Янин В.Л. Актовые печати..., т.1, с.127,130.

²⁶ Целесообразно привести комментарии В.Л.Янина к печатям с изображением композиции Успение, содержащиеся в Корпусе актовых печатей древней Руси: «Сюда же (к числу печатей с Богородичной символикой — С.Б.) мы относим буллу из Новгорода с изображением креста и редчайшим в сфрагистике сюжетом — многофигурной композицией Успение» (Янин В.Л. Актовые печати..., т.1, с.151); «Из четырех печатей с изображением композиции Успение и креста на ступенчатом подножии две найдены в Новгороде, одна — в Городце на Волге и одна — в Старой Рязани, но своим происхождением они, вероятнее всего, связаны с Владимиро-Суздальской землей, где обнаружены не только византийский моливдовул, послуживший для них образцом, но и целая серия медных привесок-иконок с композицией Успение» (Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати..., т.3, с.61,62).

²⁷ Там же, с.231

ветствующего посвящения, истолкование композиции »Благовещение» в качестве символической передачи имени «Гавриил» (почему не имени «Мария», которая, пользуясь терминологией В.Л.Янина, также «участник благовещенской композиции»²⁸) оказывается, по меньшей мере, странным: за одними и теми же изобразительными символами на печатях не может быть скрыта разнородная информация, в противном случае исключается возможность однозначного «прочтения» сфрагистического типа, и тогда скрепа документа теряет смысл, поскольку не позволяет проверить достоверность утвержденного документа. Кстати говоря, Н.П.Лихачева, специально подчеркивал: «Изображение архангела Гавриила не может заменять изображение Благовещения»²⁹.

Таким образом, гипотеза о тождестве изображения композиции изображению святого оказывается сферагистически некорректной и, во всяком случае, нуждается в новом обосновании, до появления которого пункты 1, 3, 4, 6, 7, 15 из рассматриваемой системы построений следует исключить. Таким образом, мы вынуждены исключить из аргументации еще три первичные гипотезы (пункты 1, 7, 15).

Вместо заключения

Попробую подвести некоторые итоги. Исключив из системы построения четыре из пяти первичных гипотез, опирающихся на сферагистические памятники (при том, что гипотеза пункта 2 сохранена в варианте, обоснованном Н.П.Лихачевым, то есть — без учета хронологических уточнений В.Л.Янина), мы вынуждены, таким образом, взять под сомнение и большинство вторичных по отношению к этим гипотезам рассуждений. Следовательно, в «сухом остатке» остается сравнительно немногое. Действительно, на Рюриковом городище под Новгородом была найдена печать неизвестного ранее типа, принадлежавшая князю Иверу Всеходовичу, выступавшему в своей деятельности представителем Благовещенского храма или обители. Датировка буллы рубежом XI-XII или первой третьью XII в. весьма вероятна, однако уверенно отождествить владельца печати с одним из русских князей, упомянутых в летописях, затруднительно, поскольку большинство из них по своим крестильным именам не известны. Судя по отчеству Ивера (Всеходич) нельзя исключать того, что

²⁸ Янин В.Л. К истории преобразования..., с.450.

²⁹ Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сферагистики. Вып. 2, Л., 1930, с.33.

булла принадлежала одному из сыновей Всеходода-Гавриила Мстиславича, однако в конце XI – первой половине XII вв. на Руси были и другие князья, носившие имя Всеход, так что печать Ивера Всеходича могла принадлежать сыновьям любого из них.

Памятники сферагистики — вообще чрезвычайно «опасный» источник. В первом приближении кажется, что вся заключенная в актовой печати информация лежит на поверхности, и использование этой информации требует от исследователя лишь общеисторической эрудиции. Этот этап «потребительского использования источника» проходят большинство исследователей, обращающихся к актовым печатям (не избежал его в свое время и автор доклада). На самом деле, актовые печати, как и любой другой вид источников, требуют детального источниковедческого исследования, включающего, как минимум, классификацию и систематизацию артефактов. Классификация предполагает выявление элементов, использовавшихся при оформлении печати, установления иерархии этих символов и определение смыслового значения символов в «языке печати». Задачей систематизации является выявление комбинаций известных элементов и проведение процедуры «чтения печати». Только детальная классификация и аргументированная систематизация печатей дают возможность выявить правила оформления сферагистического типа, дешифровать символику элементов, составляющих сферагистический тип, и выявить скрытую за печатями систему отношений между институтами власти, сферагистическими регалиями которых являлись печати. Пренебрежение источниковедческим этапом в изучении актовых печатей чревато ошибками уже на стадии предварительной группировки булл, когда закладывается фундамент для выявления исторической информативности сферагистических памятников.

Безусловно, факты, приведенные в статье В.Л.Янина, сами по себе чрезвычайно интересны. Я даже не исключаю того, что исследователь верно угадал истоки самого процесса возникновения смесного суда в Новгороде. Однако система доказательств представляет собой классический пример «цепочки наведений». Это определение, неоднократно употреблявшееся Н.П.Лихачевым, обозначает систему доказательств, при котором каждая новая гипотеза опирается на сумму предыдущих гипотез, причем последние рассматриваются уже в качестве установленных фактов. Полагаю, «цепочка наведений» — это не самый надежный из существующих принципов научной аргументации. И, в любом случае, прежде чем мы начинаем создавать историческую реконструкцию необходимо проведение де-

тального источниковедческого исследования привлекаемых источников. К сожалению, в комментариях В.Л.Янина к печати Ивера Все-володича источниковедение привлеченных памятников сфрагистики должным образом не проведено, как не было оно проведено и в более ранних работах, на которые неоднократно ссылается исследователь. Пренебрежение к источниковедению, фактически, свело на нет все усилия по созданию интереснейшей исторической модели.

Н.В. Новоселов

Каменное строительство в Новгороде в период княжения Святополка Мстиславича

Согласно общепризнанной концепции П.А. Раппопорта, сложение новгородской архитектурной школы происходило поэтапно в Новгороде, Пскове и Ладоге, причем основная и наиболее «результативная» часть этого процесса приходится на период, когда в самом Новгороде строительство не велось, а строительные силы Новгородской земли были сосредоточены в названных пригородах (Раппопорт 1982а; он же 1986: 68-75; Пескова, Раппопорт, Штендер 1982). После изгнания в 1136 г. из Новгорода князя Все-волода Мстиславича, каменное строительство в Новгороде прекращается. П.А. Раппопорт объяснял это обстоятельство тем, что Все-волод, уйдя из Новгорода, забрал с собой работавших там мастеров (Раппопорт 1986: 73). По мнению П.А. Раппопорта, Все-волод переводит этих мастеров во Псков, куда он был приглашен на княжение в 1137 г. Таким образом, изгнанием Все-волода из Новгорода и приглашением его на псковский стол, по мнению П.А. Раппопорта, завершается начальный, новгородский этап развития местной архитектурной школы и начинается второй — псковский, продлившийся до начала 50-х гг. XII в. (Раппопорт 1986: 73). Стойность предложенной схемы нарушает, казалось бы, лишь одно обстоятельство — летописное сообщение о завершении в 1144 г. строительства церкви Успения на Торгу, заложенной Все-володом на кануне изгнания в 1135 г. (НПЛ: 27). Однако более пристально изучение летописного и археологического материала позволяет предположить, что этот храм был не единственной каменной постройкой, возведенной в Новгороде после изгнания Все-волода.

По мнению большинства исследователей, после смерти Все-волода (1138 г.) основным заказчиком его мастеров становится новгородская епископская кафедра в лице епископа Нифона. Между тем, это мнение не имеет достаточного обоснования. Летописная традиция связывает с именем Нифона постройку лишь одного псковского храма — собора Мирожского монастыря, который убедительно датируется началом 50-х гг. XII в. (Мильчик, Штендер 1988: 84-90). Предположение об участии Нифона в возведении остальных псковских храмов и церкви Успения на Торгу выглядит, по меньшей мере, натянутым. Летописи вообще ничего не сообщают о строительной деятельности Нифона до начала 50-х гг. XII в. Это кажется странным, поскольку именно в это время происходит пересмотр и редактирование новгородского летописания, осуществляемые при епископском дворе людьми, близкими Нифону (Шахматов 1908:183-186; Лихачев 1947: 207-208; он же 1948: 205-206). Начиная же с 50-х гг. XII в. строительство Нифона фиксируется достаточно подробно. Данное обстоятельство позволяет предположить, что до этого времени Нифон не располагал собственными строительными кадрами.

Более вероятным представляется переход строителей Все-волода после его смерти к Святополку Мстиславичу, который был приемником Все-волода на псковском, а позднее на новгородском столе. Святополк стал новгородским князем в 1142 г. Именно с его воскняжением в Новгороде логично связать завершение строительства церкви Успения на Торгу, которая была заложена его братом. На постройку храмов подобных размеров обычно уходило около трех лет. Поскольку завершение работ по строительству этого храма приходится на 1144 г., можно предположить, что его строительство было возобновлено вскоре после воскняжения Святополка в Новгороде.

В 1135 г., то есть в год закладки церкви Успения на Торгу, в Новгороде было начато строительство еще одного каменного храма — церкви Николы на Яковлевой улице (НПЛ: 23). Летописи не содержат информации об окончании строительства этого храма. Правда, под 1136 г. в новгородских летописях сообщается об освящении церкви Николы «великимъ священиемъ» (НПЛ: 24), однако остается неизвестным, к какому именно Никольскому храму относится это сообщение. Так, например, П.А. Раппопорт считал, что эта запись относится к церкви на Яковлевой улице (Раппопорт 1982б: 114), а по мнению В.Л. Янина, в ней говориться об освящении Николо-Дворищенского собора (Янин 1970: 105). Более обоснованной мне